

ВЛАСТЬ ЖЕЛАНИЯ: АУТЕНТИЧНОСТЬ ТОТАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Юлия Бродецкая¹

Abstract

This article analyzes the problems of power and its investment configurations in modern society. The discourse of power is actualized in a modern society in connection with the emergence of increasingly sophisticated and insidious practices influence. However, the collapse of authority of “strong power” and its transformation does not solve the problems of violence, exploitation, alienation, in the end, of the social order. It is obvious that the phenomenon of modern modifications perfects its form but does not alter the existence which is born in the human nature.

Power existence is the discourse totality. Its origins come from the human nature. Total authenticity practices in their initial value are expressed in the worship and domination. Both aspects show two sides of the same phenomenon – the power of desire. In the modern social space totality practices manifest themselves in the formation of a consumer society, where the way to implement the cult of desire becomes a mass culture.

Keywords: totality, power, desire, the totality of practice, worship, domination.

...Единица – изолированный в обществе индивид, не знающий, кто он и зачем живет. Он сам чувствует, что он «вздор», «ноль». И для него нет ничего желаннее почувствовать себя частью грандиозного всепоглощающего целого.

Г. Гутнер²

Дискурс власти (традиционно приобретающий политико-экономический характер) актуализируется в современном обществе в связи с появлением все более изощренных и «ненавязчивых» практик влияния. Однако вместе с тем, несмотря на крушение авторитетов «сильной власти», ее трансформированные технологии не снимают проблем насилия, эксплуатации, отчуждения, в конце концов, социального порядка. Очевидно, что современные модификации фе-

¹ Юлия Бродецкая – кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры философии Днепропетровского национального университета им. О. Гончара (Днепр, Украина).

² Г. Гутнер: *Ханна Арендт о тоталитаризме*. Режим доступа: https://snob.ru/profile/23839/blog/92153#comment_781179. Дата доступа: 15.09.2016.

номена, усовершенствующие форму, не касаются его экзистенции, уходящей своими корнями в самую природу человека.

Идеология тотальности: власть желания

Анализируя экзистенциальные аспекты феномена единения, Э. Фромм обращается к двум ведущим установкам реализации человеческого потенциала – «иметь» и «быть». В отличие от установки «быть», стремление к власти («иметь») носит ярко выраженный невротический, антисоциальный характер, концентрирующий весь потенциал активности личности на корыстном стремлении обладания, поглощения, эксплуатации окружающего мира – его потребительство формирует культ формы, материи:

«Обладание и бытие, – отмечает исследователь, – это два основных способа существования человека, и преобладание одного из них определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера... При существовании по принципу обладания отношение к миру выражается в стремлении сделать его объектом владения, в стремлении превратить все и всех, в том числе и самого себя, в свою собственность. Что касается бытия как способа существования... оно является противоположностью обладания... и означает жизнелюбие и подлинную причастность к существующему. Различие между бытием и обладанием не сводится к различию между Востоком и Западом, а относится к типам общества: одно ориентировано на человека, другое – на вещи. Для западного индустриального общества, для которого погоня за деньгами, властью и славой – главный смысл жизни, характерна ориентация на обладание»³.

Жажда владения выступает исходной установкой конструирования идеологии тотальности, покинувшей границы политического дискурса и констатирующей себя в пространстве экономических и культурных отношений нового массового порядка. Являясь по сути симулякрот стремления к единению, условием формирования и реализации стратегии *дезинтеграции, разобщения Целого*, желание власти («иметь») всегда направлено на конструирование отношений зависимости человека от тотального объекта. В современной социальной практике данные тенденции иллюстрируют себя в актуализации в общественном сознании материальных благ-маркеров, объективирующих механизмы жесткой структуризации отношений, – деньги, власть, престиж, ум и т.п. Установка на власть (обладание данными аспектами) трансформируется в условие данной структуризации – дезинтегрирующую тотальную зависимость человека от цивилизационных благ. *Производным данной ситуации становится конструирование потребительской системы отношений, направленной на отчуждение человеческого*

³ Э. Фромм: *Иметь или Быть?* Киев: Ника-Центр 1998. Режим доступа: http://www.lib.ru/PSIHO/FROMM/haveorbe2.txt_with-big-pictures.html#toc107. Дата доступа: 07.08.2016.

потенциала в качестве средства удовлетворения желания обладать превосходством. Соответственно, модус реализации данной стратегии носит открыто деструктивный характер, варьируясь от деспотичного политического насилия, диктата, террора, борьбы до «мягкой власти» потребительских установок массового общества, продуцирующего практики утилитарного конформизма.

В любом из этих вариантов сохраняется и реализуется основной угрожающий потенциалу целостности принцип тотальности желания: *использовать окружающий мир, заставить его служить собственной иллюзии ради констатации превосходства; любыми способами, вопреки всем и всему установить над ним контроль*. Идет ли речь о политической экспансии и деспотии государственной власти, ее претензии на тотальный контроль, либо о потребительском конформизме массового общества – стремление к обладанию как условие конструирования тотальных практик оформляется в виде утилитарных отношений «Я – Оно», где Оно – это вещь, обезличенная масса, средство удовлетворения моих желаний, амбиций, материал для реализации иллюзии моего превосходства. Поэтому приоритеты в данной модели взаимодействий всегда четко расставлены: мое желание – высшее благо, ценность, реализовать которую – моя основная задача, а окружающий меня мир – это необходимое средство его удовлетворения, ценность которого зависит от возможности использования.

Результатом преобладания данной установки в сознании человека (или в качестве идеологии социально-политического, экономического развития в целом) является *культивирование потребительских практик, направляющих активные творческие силы человека (социальной группы), на противопоставление себя Целому, разрушение существующего порядка, разрыв связей ради обладания желаемым превосходством*. На практике данная модель отношений воплощается в виде *стратегии служения* (желанию), как правило, конкретизированному в тотальных объектах.

«Движимый жаждой власти (обладания, накопления, присвоения), человек уже не способен воспринимать себя во всем богатстве и безграничности *человеческой* жизни, не способен реализовать и минимальную часть своей личности, не способен выйти за жесткие границы конформизма, освободиться. Он отказывается от возможностей, предоставляемых ему окружающим миром ради стремления подчинить его себе. Стремясь претворить в жизнь иллюзию превосходства, он хочет заставить окружающий мир работать на его желания»⁴.

Анализируя проблему человеческой экзистенции, Н. Бердяев в своей работе «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики» отмечает:

⁴ Ю. Бродецкая: *Общество человеческих отношений: в поисках утраченной целостности*, Днепропетровск: Инновация 2014, 225.

«Я вижу три состояния человека, три структуры сознания, которые можно обозначить как “господин”, “раб” и “свободный”. Господин и раб коррелятивны, они не могут существовать друг без друга. Свободный же существует сам по себе, он имеет в себе свое качество без коррелятивности с противоположным ему. Господин есть для себя существующее сознание, но которое через другого, через раба существует для себя... сознание раба есть существование себя для другого. Сознание же свободного есть сознание существования каждого для себя, но при свободном выходе из себя к другому и ко всем»⁵.

Невзирая на практики и сферы реализации, модус *служения* продуцирует себя преимущественно в виде таких *аутентичных форм идеологии тотальности*, как *практики господства* (то есть фактического властвования, диктатуры, использования) и *поклонения* (тотальному объекту). Такая классификация, по сути, является идеально-типической моделью, символической демонстрацией работы идеологии тотальности, механизм реализации которой всегда направлен на дезинтеграцию, разрушение связей с Целым. Другими словами, обе модели есть аутентичные практики одной потребительской стратегии, дополняющие друг друга и проявляющие себя так либо иначе, в зависимости от степени удовлетворения желания (власти, обладания; один и тот же человек с присущей ему установкой на стремление к власти может проявлять себя и как тиран, и как жертва). Поэтому отправной точкой анализа выступает порабощенное тотальным стремлением к обладанию сознание человека, ориентированное на потребление окружающей его реальности с целью констатации превосходства над Целым.

«Последней истиной о рабстве человека является то, что человек есть раб у самого себя. Он попадает в рабство у объектного мира, но это есть рабство у собственных экстерниоризаций. Человек находится в рабстве у разного рода идолов, но это идолы, им созданные. Человек всегда является рабом того, что находится как бы вне его, что отчуждено от него, но источник рабства внутренний. Борьба свободы и рабства разыгрывается во внешнем, объективированном, экстерниоризированном мире. Но с экзистенциальной точки зрения это есть внутренняя духовная борьба»⁶.

Аутентичность тотальных практик

Стратегия *поклонения* (форме, вещи и, следовательно, обладающим ею объектам) является первичной фазой в реализации идеологии тотальности. Как правило, эта модель актуализируется в связи с «перспективой» искаженного желанием сознания получить

⁵ Н. Бердяев: *О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики*, Париж: YMCA-Press 1939. Режим доступа: <http://vehi.net/berdyayev/rabstvo/012.html>. Дата доступа: 19.07.2016.

⁶ Там же.

доступ к атрибутам тотальности (власти, деньгам, престижу, уму и т.п.), уподобиться тотальному объекту, чтобы самому стать таковым. По сути, поклоняясь тотальной атрибутике, человек ищет способы реализовать иллюзию превосходства посредством конформного приспособления, использования влияния тоталитарных объектов. В погоне за желаемым он совершает сделку – отчуждает свой уникальный человеческий потенциал, ставит форму выше содержания, вещь (желаемый объект) – выше человека, приспособляясь под «угрожающие» факторы ради единственной цели – приобрести доступ к обладанию тотальной мощью.

Такая пассивная, потребительски-конформистская модель отношения человека к окружающему миру, объективированная принципом *быть таким, как вам угодно⁷, ради конкретно корыстной цели – получить желаемое*, наиболее иллюстративно реализуется в феномене *массы*. *Масса* (от древнегреческого μάζα – *тесто*, латинского *māssa* – *кусочек*) представляет собой пластичный материал продуцирования и реализации потребительских установок и стереотипов. Человек массы – раб шаблонов и стандартов, диктуемых окружением, государством, капиталистической системой, использующий возможности объектов своего поклонения. Человек массы – это, по сути, хайдеггеровский *das Man*, опасность которого заключается в стремлении «быть как люди», поскольку «я (тоже как люди) могу себе это позволить» и все может быть «не хуже, чем у людей». Его неподлинное существование, превращенное «боязливыми хлопотами» в прозябание повседневности, погружает человека в безличный мир, где все анонимно. Анонимность позволяет человеку не быть субъектом, отказаться от ответственности, а следовательно, и своей свободы ради того, чтобы «быть как все».

«Безличные “люди” (*das Man*) орудуют в нас и через нас, вместо нас. Вне чистого присутствия прослеживаются сплошные причинно-следственные цепи, только в нем свободный просвет и по-

⁷ Конформизм предполагает приспособление к определенному общепринятому образцу и, следовательно, отказ от проявления себя настоящего. Начинает формироваться такая модель поведения в раннем детстве, когда инициатива ребенка подавляется и он оказывается вынужден приспособляться под ожидаемое от него поведение со стороны родителей. На уровне общества конформизм подкрепляется пассивностью и ориентацией на стандартизированные, унифицированные образцы, эталоны, идеалы. Современная ориентация на конформизм охватывает большинство сфер социальной жизни. «Даже дружеские отношения складываются не на основе личной симпатии или влечения, а на основе удобства (рядом живем, вместе работаем, так выгодно). Такие отчужденные дружеские отношения и автоматический конформизм одобряются и принимаются современным человеком. Это ведет, в свою очередь, к тому, что человек, по сути, отказывается от самого себя, становится частью стада и находит удовольствие в этом. Это состояние нынче называют “сплоченностью”. При этом недостаток конформизма наказывается не только словесным осуждением, но и жесткими мерами воздействия». См.: Э. Фромм: *Здоровое общество*, М.: АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ 2006, 216.

этому только в него бытие и сущее могут войти своей истиной, а не только своей функцией. Об этой единственной собственной возможности присутствия не перестает говорить совесть, не давая прекратиться заботе. Мерой осуществившегося присутствия отмеривается время человека и вмещаемого им мира»⁸.

Пренебрегающий возможностью мысли, *das Man* оказывается выброшенным из своего человеческого существа на обочину безмыслия, где всем заправляют эти самые «люди». Способ его пребывания в мире – это практика отчуждения, благодаря которой все становятся «другими», и даже по отношению к самому себе человек является «другим». Поэтому в мире *das Man* нет места личности, индивидуальности. Последняя растворяется в усредненности массы.

«Это бытие-с-другими полностью растворяет свое присутствие всякий раз в способе бытия “других”, а именно так, что другие в их различительности и выраженности еще больше исчезают. В этой незаметности и неустановимости люди развертывают свою собственную диктатуру. Мы наслаждаемся и веселимся, как люди веселятся; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как люди смотрят и судят; но мы и отшатываемся от “толпы”, как люди отшатываются; мы находим “возмутительным”, что люди находят возмутительным. Люди, которые не суть нечто определенное и которые суть все, хотя не как сумма, предписывают повседневности способ быть»⁹.

Такой субъект – мечта рационализированной системы, функционирующей за счет массы и продуцирующей все новые и новые ограничения и табу на уникальность и активность¹⁰. В свою очередь, тотальная система – идеальное место реализации потребительских установок приспособленца. По сути, влияние массы знаменует собой опасный синдром возрастания культа идеологии тотальности, угрожающей социальной целостности и порядку, творческой реализации и перспективам человека и общества. В самом

⁸ В. Библихин: *Дело Хайдеггера. Статьи и выступления*, М.: Республика 1993, 4.

⁹ М. Хайдеггер: *Бытие и время*, Пер. В. Библихина, М.: Ad Marginem 1997, 126–127.

¹⁰ Понятие массы – центральное для анализа тоталитаризма. В своей работе «Истоки тоталитаризма» Х. Арндт довольно подробно рассматривает феномен массы, делая предметом своего анализа два термина, исходно возникающих как метафоры: масса и толпа. Толпа – предшественница массы. Толпа была давно. С ней сталкивались разные политические режимы прошлого. Люди толпы – это лишённые социальных связей индивиды, не способные к регулярному общению, выброшенные из всех стабильных социальных групп. Они озлоблены и обижены. Поэтому толпа всегда заряжена неким революционным потенциалом. Но раздраженность толпы вызвана тем, что она не может – в рамках существующей политической системы – добиться желанных целей. У толпы есть некий более или менее осознанный интерес. Он связан с теми недостижимыми для толпы жизненными стандартами, которые демонстрирует элита общества.

основании феномена массы лежат все те же страх «обделенности» и желание «иметь», культивирующие ненасытное поглощение – тотальное потребительство, ведущее к обесцениванию всего человеческого, творческого, живого, к умиранию души, а следовательно, социальной дезинтеграции, дезорганизации, хаосу.

Внешне пассивная конформность человека массы касается лишь вопросов его продуктивной реализации, поскольку на самом деле его раздражает всякая общественная дифференциация и порядок. Так, в работе «Истоки тоталитаризма» Х. Арендт, анализируя природу тоталитарных тенденций, отмечает, что тоталитарное движение находит отклик именно у человека массы, который не способен к дифференциации, к пониманию различий. Оно дает такому человеку удовлетворение, поскольку насыщает гнетущую жажду какой-нибудь идентификации, какого-то единства, каких-то социальных связей. Оно подтверждает и поощряет ненависть к многообразию, объявляет пустым и ненужным всякую «говорильню», связанную с различием интересов и взглядов. Оно дает слабому и обиженному человеку ощущение силы, которая только и может быть настоящим аргументом. Сила же, как известно, в единстве и сплоченности миллионов¹¹.

Выступая атрибутом патологических состояний личности и системы, тотальность во всех своих проявлениях (как идеологический принцип, характер сознания (мышления) или политический режим) всегда ориентирована на массовое сознание потребителя, позволяющее реализовать ее претензию на всеобщность установок и утилитарность ценностей. Однако эта всеобщность носит не универсальный, а массовый характер. В этой связи Х. Арендт отмечает, что масса есть результат тотальной дезинтеграции, продукт политической системы, в котором громадное число людей переживают кризис идентичности¹².

«Они не чувствуют себя внутри какой бы то ни было общественной структуры, не ощущают связности какими-либо общими интересами, задачами, мотивациями. Масса не имеет никаких интересов или, по крайней мере, совершенно не способна их осознать, поэтому масса не способна ни к какому объединению на основе общих интересов. Человек массы не умеет учитывать чужие интересы. Он не может понять, что разные люди по-разному мыслят, но при этом могут что-то обсуждать и в чем-то соглашаться. У него есть инстинктивное чувство, что

¹¹ Х. Арендт: *Истоки тоталитаризма*, М.: ЦентрКом 1996. Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/01_a/re/ndt_18.htm. Дата доступа 29.08.2016.

¹² Х. Арендт отмечает, что термин «массы» применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых по причине либо их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе. Потенциально «массы» существуют в каждой стране, образуя большинство из того огромного количества нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать.

разногласия непреодолимы, поскольку вызваны глубинными внутренними свойствами людей. Если он думает иначе, чем я, то это значит, что он – существо иного рода и договориться с ним невозможно. Например, он утверждает так, потому что он капиталист (еврей, американец). Имеет значение не аргументация, а личность (точнее, идентичность) говорящего. Поиск согласия – бессмысленная затея. Истина должна быть только одна, и она должна быть хорошо известна»¹³.

Опасность реализации такой дезинтегрирующей стратегии заключается в том, что *поклонение* массы иницируемо не чем иным, как стремлением стать тотальным объектом. Ее позиция «быть как все» парализована корыстным страхом не получить желаемого, порабощающим сознание и волю человека и лишь нарастающим во времени.

«Сегодня весь мир становится массой» актуализируется, продолжая себя во фроммовском положении: «Что может быть очевиднее того факта, что люди готовы рисковать своей жизнью, отказываться от любви, отказываться от свободы, жертвовать своими собственными мыслями ради того, чтоб быть в “стаде”»¹⁴.

По своей сути, человек массы – это тотальный потребитель, раб внешнего мира, собственной алчности. Он не настроен на поиск себя, а следовательно, и сути, не имеет интереса к развитию личностной неповторимости, его не беспокоит судьба Других (и даже ближних). Он поглощен стремлением *быть как все* с одной лишь целью – получить как можно больше для себя, удовлетворить свою жадность.

Человек массы – это единица, изолированный в обществе индивид, не знающий, кто он и зачем живет. Он сам чувствует, что он «вздор», «ноль». И для него нет ничего желаннее, почувствовать себя частью грандиозного всепоглощающего целого. Ощущение слабости и зависимости («каждый дюжий ему господин») сменяется чувством необычайного могущества. Те, кто были раньше господами, теперь принуждены «замереть и лечь». Те, кто были объединены какими-то социальными связями (возможно, те самые «двое слабых») и имели какое-то значение в обществе, теперь осознают свою ничтожность, столкнувшись с «громящим миллионнопалым кулаком». Как отмечает Х. Арндт, став частью могущественного движения, эта никчемная единица превращается в господина мира («царства стираю на карте я»).

«Здесь, быть может, самая суть тоталитарного движения – оно вершит историю, меняет мир, через него осуществляется судьба всего человечества»¹⁵.

¹³ Арндт, указ. соч.

¹⁴ Э. Фромм: *Искусство любить. Исследование природы любви*, Пер. Л. Чернышёвой, М.: Педагогика 1990, 62.

¹⁵ Г. Гутнер: *Ханна Арндт о тоталитаризме*. Режим доступа: https://snob.ru/profile/23839/blog/92153#comment_781179. Дата доступа: 15.09.2016.

При этом человек массы вполне доволен собственной стандартностью и похожестью на других. Как отмечает Э. Фромм:

«Стадный конформизм обладает только одним достоинством: он стабилен, а не периодичен. Индивид осваивает образец приспособления в возрасте трех-пяти лет и впоследствии уже никогда не утрачивает контакта со стадом. Даже похороны воспринимаются человеком как свое последнее значительное социальное дело, совершаются в строгом соответствии с образцом»¹⁶.

Трансформируясь в тоталитарные практики массового потребления, конформизм человека массы блокирует любую возможность проявления и совершенствования личности. Главная характеристика его пребывания – это стремление удержаться в наличном, в настоящем, избежать предстоящего – не отвечать, не думать о последствиях. За каждым таким «быть как все», послужить (создать культ системы, начальства, окружающих и т.п.) стоят вполне конкретизированные корыстные материальные компенсации – власть, комфорт, деньги – материальные блага, получаемые человеком за отказ от себя настоящего, отказ «быть». Иллюзия конформиста диктует: *чтобы получить желаемое, нужно приспособливаться – быть таким, каким тебя хотят видеть*. «Безразличие к окружающему, непонимание своих интересов, неумение общаться и находить связи с другими людьми приводит к странному безразличию к самому себе, обесцениванию себя. Ценность самого себя теряется в этих условиях, равно как и ценность Другого. Поэтому такой человек с готовностью отдает себя, всю свою жизнь некоему, по сути первому попавшемуся движению, которое готово его подобрать»¹⁷.

На такую деструктивно-приспособленческую позицию рационализированная система реагирует целым арсеналом компенсаторных средств: от льгот, стандартов, пайков, поощрений, условий до предоставления способов и ресурсов поклонения «наиболее послушным» членам общества. Система превращается в конвейер, фабрику по удовлетворению желания «иметь», работающую не столько на реализацию индивидуальных потребностей, сколько на производство все новых соблазнов массы «удобных личностей». По сути, добровольно отказываясь от активной позиции соучастника общего Целого, ориентированного на единение, гармонию, порядок, разменивая ее на возможность использовать предоставляемые системой «блага», «иметь», человек массы убивает в себе все уникальное, живое, активное – духовное. Поклоняющийся иллюзии потребительского рая не стремиться сознать, что в этой игре он обречен быть рабом, материалом культивирования практик служения.

«У него мало инициативы, его задачи предписаны организацией данной работы, и существует мало различия даже между теми, кто

¹⁶ Фромм, указ. соч., 9.

¹⁷ Гутнер, указ. соч.

на верху лестницы, и теми, кто внизу. Все они выполняют задачи, предписанные структурой организации, с предписанной скоростью и в предписанной манере. Даже их чувства предписаны... От рождения до смерти, от субботы до субботы, с утра до вечера – все проявления жизни заданы заранее и подчинены шаблону. Как может человек, захваченный в эту сеть шаблона, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот единственный, кому дан его единственный шанс прожить жизнь, с надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, со стремлением любить и ужасом перед уничтожением и одиночеством?»¹⁸

Он обречен, поскольку за каждой полученной компенсацией стоит «кусочек его души».

Реализация стремления к обладанию как установка на констатацию иллюзии превосходства включает логику трансформации стратегии *поклонения в господство*. Поскольку жажда «иметь» со временем лишь нарастает, фактическое обладание (властью, материальными благами, деньгами и т.п.) не просто не способно гарантировать снятие напряжения, напротив, оно детерминирует страх утратить присвоенное. Жажда обладания требует от своего носителя постоянного удовлетворения, констатации иллюзии превосходства, поэтому модус служения переходит на более глобальный уровень.

«Вождь толпы находится в таком же рабстве, как и толпа, он не имеет существования вне толпы, вне рабства, над которым он господствует, он весь выброшен вовне. Тиран есть создание масс, испытывающих перед ним ужас»¹⁹.

Иллюзия – это всегда циклическое состояние, программа, в которой за реализацией одной стадии непременно наступает другая, напряжение в которой нарастает. Поэтому в гонке за желаемым, поклонении тотальному объекту, следующей стадией становится построение культа собственного Я, контроль «собственности».

«Одержимый волей к могуществу находится во власти рока и делается роковым человеком. Цезарь-диктатор, герой империалистической воли, ставит себя под знаком фатума. Он не может остановиться, не может себя ограничить, он идет все дальше и дальше к гибели. Это человек обреченный. Воля к могуществу ненасытима. Она не свидетельствует об избытке силы, отдающей себя людям. Империалистическая воля создает призрачное, эфемерное царство, она порождает катастрофы и войны. Империалистическая воля есть демониакальное извращение истинного призвания человека. В ней есть извращение универсализма, к которому призван человек. Этот универсализм пытаются осуществить через ложную объективацию, через выбрасывание человеческого существования вовне, через экстерииоризацию,

¹⁸ Э. Фромм: *Искусство любить. Исследование природы любви*, Пер. Л. Чернышёвой, М.: Педагогика 1990, 9.

¹⁹ Бердяев, указ. соч.

делающую человека рабом. Человек призван быть царем земли и мира, идее человека присуща царственность. Человек призван к экспансии и овладению пространствами. Он вовлечен в великую авантюру. Но падшесть человека придает этой универсальной воле ложное порабощающее направление»²⁰.

Поклоняясь желанию, накапливая блага окружающего мира, человек еще с большей жадностью стремится доказать собственное превосходство, эксплуатируя окружающий его мир. По мере возрастания масштабов обладания, размеров «собственности», он сам становится тотальным объектом, выстраивает жесткую иерархию отношений, требуя теперь от Других поклонения собственной мощи, используя их потенциал на удовлетворение его алчного желания. Другими словами, он обретает силу, принуждая окружающий мир поклоняться собственному идолу, признать свое господство. В качестве иллюстрации данной стратегии Х. Арендт приводит пример «колониального чиновника», осуществляющего власть метрополии в колонии.

«В сознании ее носителей эта власть постепенно окружается романтическим ореолом. Во всем блеске его представил Киплинг, воспевший бремя белого человека. По отношению к подвластному колониальному населению он выступает носителем высшей идеи. Возникает осознание избранности, особой миссии. Человек, облеченный особыми полномочиями, мыслит себя не просто политическим деятелем или администратором. Он осуществляет власть, исполняя высший закон, служа даже не метрополии, а высшей силе, наделившей его особым призванием и властью. Он утверждает новый порядок в мире, несет цивилизацию и просвещение.

Этот взгляд на свою миссию тесно коррелирован с политической практикой. Исполнитель высшего закона не связывает себя юридическими нормами. Колониальная администрация управляет посредством декретов. То есть она осуществляет бюрократическое управление, основанное на волевых решениях, не ориентируясь на какие-то правовые ограничения, гуманные ценности или моральные нормы – на все то, что ограничивает власть в метрополии. Декрет, то есть чрезвычайное, вызванное текущей ситуацией постановление власти, подменяет закон. В результате управление не получает никакого правового основания. Законность оказывается ненужной, даже вредной, поскольку стоит на пути волевых решений администратора»²¹.

В стратегии *господства* реализует свой деструктивный потенциал авторитарная личность («догматическая» в терминологии М. Рокича), безудержно стремящаяся к власти и вместе с тем конформная, стереотипизированная, переживающая страх соб-

²⁰ Там же.

²¹ Гутнер, указ. соч.

ственной неполноценности, ничтожности²². В ее сознании отсутствует понятие равенства. Мир для нее состоит из людей, имеющих или не имеющих силу и власть, высших и низших, достойных и недостойных. Ее мир жестко структурирован, формализован, здесь нет места человечности, открытости, доверию. Задача авторитарной личности – сохранять контроль над «собственностью», доказывая каждый раз свое превосходство над другими. Это основа ее антагонистического мировоззрения, в котором окружающий мир всегда враждебен, где тоталитарный объект – идол, культ, лишенный всего человеческого, то есть всего, что может помешать ему в борьбе за реализацию иллюзии превосходства.

«Служение божкам, царям, героям, вождям – атрибут развития нашего прошлого и настоящего. Им многое прощается, они идеализируются, им поклоняются. И даже несмотря на разрушительные действия этих идолов, жертвы, которыми сопровождается все их “творчество”, тоталитарного сознания отказывается объективно смотреть на вещи. Оно не позволяет за каждым таким “героем” увидеть его ненасытную жажду власти и стремление получить ее любой ценой. Наше сознание видит лишь блеск воспетого культа, эффект его могущества и само восхищается истуканом, тем самым загоняя нас в еще большую зависимость от служения. Поэтому, даже осознавая разрушительный потенциал идолов, человечество превращает их пороки в достоинства. То, что не прощается обычному смертному человеку, возвеличивается у “великих”»²³.

²² Авторитарная личность (лат. *auctoritas* – власть, влияние) – понятие, заложенное в основание концепции Э. Фромма. С помощью последнего исследователь объясняет существование особого типа личности, являющегося основой тоталитарных режимов. В своей работе «Бегство от свободы» автор описывает авторитаризм в качестве одного из механизмов бегства от свободы, который состоит в тенденции отказаться от независимости своей личности, слить свое Я с кем-нибудь или с чем-нибудь внешним, чтобы таким образом обрести силу, недостающую самому индивиду. Другими словами, индивид ищет новые, «вторичные» узы взамен утраченных первичных. Отчетливые формы этого механизма можно найти в мазохистских и садистских тенденциях, существующих в той или иной степени и у невротиков, и у здоровых людей. По мнению Э. Фромма, данный тип прослеживался в истории задолго до возникновения фашизма (типичной авторитарной личностью Фромм считал главу бюргерской Реформации в Германии Мартина Лютера). См.: Э. Фромм: *Бегство от свободы*, Пер. Г. Швейника, Москва: Аст 2011. Режим доступа: <http://modernproblems.org.ru/philosophy/182-begstvo-ot-svobod.html?start=8#content/>. Дата доступа: 03.08.2016.

Развивая концепцию Фромма, теоретики Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас) характеризовали авторитарную личность как «фашизоидную», то есть несущую в себе постоянную угрозу фашизма. В предисловии к книге «Авторитарная личность» немецкий философ М. Хоркхаймер писал, что авторитарная личность – это новый антропологический тип человека, который сложился в XX веке.

²³ Бродецкая, указ. соч., 230.

В своем корыстном стремлении «иметь» идол претендует на то, чтобы самому быть законом, детерминирующим паттерны взаимодействий и отношений людей, характер их связности. Поэтому его система отношений всегда тотальна, это власть силы денег, статусов, влияния престижа. Она не терпит критики, ошибок, ограничений в виде морали, прав, свобод других людей. Идол сам – высшая сила, для которой другой человек лишь масса, материал, который удовлетворяет его закон, его желание.

«Тоталитарная власть – это высший исполнитель закона, задачей которого является уничтожение отмирающих групп. В этом смысле человек перестает быть человеком. Человек должен стать элементом в круговороте. Идет постоянное отмирание ненужного. Это отмирание в реальности означает непрерывное убийство или переделывание человека, что, по сути дела, одно и то же. Человек либо переделывается во что-то иное, либо уничтожается как отработанное»²⁴.

Однако те законы и принципы, которые он диктует, тот порядок, который насильственно конституирует (легитимно либо нет – нет значения), – это всегда разрозненная система «дальних» связей, «вторичных» уз, отчужденных отношений, жестко детерминированной псевдосвязности. Поскольку отношения идола и массы, материала – это всегда вещественные отношения использования Другого ради служения собственному желанию. Здесь, с одной стороны, каждый ощущает свою неполноценность (только с разной частотой) и агрессию перед более «достойными», «сильными», «превосходящими меня», а с другой – стремится любой ценой реализовать корыстные мотивы. Опасность этой иллюзорной системы зависимостей в разрушительном потенциале, который за циклирует сознание и волю человека, требует постоянной борьбы и жертв, постоянного напряжения. Фиксируя сознание человека на страхе, она принуждает господствовать и поклоняться тем, чье стремление к господству сильнее, агрессивнее.

«Человек имеет непреодолимую склонность играть роль и в этой роли придавать себе особое значение, тиранить окружающих... Человек есть тиран и самого себя. Он тиранит себя, как существо раздвоенное, утратившее цельность... ложным сознанием вины... ложными верованиями, суевериями, мифами... страхами, болезненными комплексами... завистью, самолюбием, ressentiment... Человек тиранит себя сознанием своей слабости и своего ничтожества и жаждой могущества и величия. Своей порабоощающей волей человек порабоощает не только другого, но и себя... человек становится господином другого потому, что по структуре своего сознания он стал рабом воли к господству. Та же сила, которой он порабоощает другого, порабоощает и его самого... Страшнее всего раб, ставший господином»²⁵.

²⁴ Арендт, указ. соч.

²⁵ Бердяев, указ. соч.

Однако главное – тотальная зависимость блокирует искреннюю потребность в Другом, реифицируя в сознании человека все живое, способное наполнить его смыслом, радостью, любовью. Служение желанию направляет духовный потенциал личности на поклонение форме, внешнему, иллюзии. Оно умерщвляет в нем человеческое, разделяет и ведет к смерти. Его мотивы и стимулы корыстны, расчетливы, прагматичны, безжалостны, поэтому ценно для зараженного тотальностью сознания лишь то, что имеет конкретную пользу – материальный эквивалент. В этом проявляет себя дезинтегрирующий характер тотальной стратегии служения, направляющей и в случае поклонения, и в случае господства, потенциал человека на разрыв связей с Целым ради удовлетворения деструктивного корыстного желания «иметь», иллюзии превосходства²⁶. Тотальность возводит рабство в культ, ставит материю выше души, смерть выше жизни, ненависть выше любви. Другими словами, оба варианта тотальных практик не имеют ничего общего со стремлением человека к единению, целостности. Стремясь к обладанию (властью, деньгами, престижем), человек отчуждает тотальному объекту (в качестве которого может выступать политический режим, авторитет родителей, деньги, ум, физическая красота, сила и т.п.) всю свою активность, свой потенциал, воспринимая обладание им как цель собственного существования. Таким образом искажается баланс и продуктивность отношений с субъектом своего внимания: стремление «иметь» – это всегда жертвоприношение, трансформирующее живую человеческую природу в вещь, способную обрести связь с желаемым объектом лишь растворившись в нем. *Алгоритм идеологии тотальности базируется на добровольном принесении собственного потенциала в жертву иллюзии превосходства: хочешь владеть – откажись от сущностных духовных сил, служи желанию.* Поэтому за каждой из моделей тотальных практик всегда стоит *отчуждение, неприятие своей чело-*

²⁶ Как отмечает Н. Бердяев, эгоцентризм является первичной причиной нарушения реального отношения между Я человека и Богом, миром с людьми, между личностью и универсумом. «Эгоцентризм есть иллюзорный, извращенный универсализм. Он дает ложную перспективу на мир и на всякую реальность в мире, есть потеря способности истинного восприятия реальностей. Эгоцентрик находится во власти объективации, которую хочет превратить в орудие самоутверждения, и это самое зависимое существо, находящееся в вечном рабстве... Рабство человека у самого себя есть не только рабство у своей низшей, животной природы. Это грубая форма эгоцентризма. Человек бывает рабом и своей возвышенной природы, и это гораздо важнее и беспокойнее. Человек бывает рабом своего рафинированного “я”, очень отошедшего от “я” животного, он бывает рабом своих высших идей, высших чувств, своих талантов. Человек может совсем не замечать, не сознавать, что он и высшие ценности превращает в орудие эгоцентрического самоутверждения... Даже святость может превратиться в форму эгоцентризма и самоутверждения и сделаться лжесвятостью». См.: Бердяев, указ. соч.

веческой сути, демонстрирующее себя через конформизм, обесценивание и подавление потребности в единении.

Такие проявления служения желанию встречаются зачастую в слепом подчинении политическому лидеру, государству, карьере, материальному богатству, партнеру по отношениям и т.п. На самом деле и вождь, и государство, и карьера, и материальные ценности есть то, что они есть, лишь с согласия самого человека. Они превращаются в идолов, когда человек наделяет их своим *духовным* потенциалом, поклоняется им, надеясь с помощью такой «самоотдачи» получить для себя дополнительные блага²⁷.

«Не важно, о каком служении идет речь, о поклонении идолам, идолопоклоннической любви к человеку, вещам, политическому лидеру или государству, себе. Важно то, что в любом из указанных случаев человек ощущает себя не живым активным носителем собственного потенциала, а лишенной уникальных духовных качеств, мертвой “вещью”, зависимой от внешних обстоятельств, на которые он перенес свою жизненную энергию»²⁸.

Находясь во власти стремления к обладанию, личность разрушает связи с окружающим миром. Ввиду этого Э. Фромм отмечает, что

«душевнобольной – это человек *абсолютно отчужденный*; он полностью перестал ощущать себя средоточием своего собственного восприятия; он утратил чувство самости»²⁹.

Таким образом, стремление к обладанию, власти в идеологии тотальности является исходным стимулом реакции субъекта, мотивирующим его на формирование деструктивных потребитель-

²⁷ Как уже отмечалось ранее, исходной точкой формирования стратегии служения становится родительская семья. Отношения в семье как первый социальный опыт человека непосредственно влияют на формирование отношения к окружающему миру – принятие и единение либо потребительство и разрушение. Так, например, уже в раннем детстве человек сталкивается с так называемым физическим идолослужением. Ощущая чрезмерную опеку родителей, которая чаще всего исходит от матери, он буквально утопает в ее опеке. Такая чрезмерная забота (главным образом о физических и материальных потребностях ребенка) приводит к лишению его самостоятельности. Мать стремится оградить свое дитя, не давая ему возможности соприкасаться и познавать окружающий мир, приобретать необходимый для полноценного развития опыт. Таким образом перекрывается способность к совершенствованию личности. При этом любая попытка освободиться от родительского контроля сопровождается сопротивлением со стороны родителей. Результатом такой «любви» становится формирование потребительской ориентации человека, не способного реализовать свой духовный потенциал и в силу этого несущего деструктивность в окружающие его отношения См.: Бродецкая, указ. соч., 232.

²⁸ Там же, 232.

²⁹ Э. Фромм: *Здоровое общество*, М.: АСТ Москва: Хранитель 2006, 167.

ских отношений с окружающим миром, служение тоталитарным объектам. По мнению К. Хорни,

«культура, социальное окружение существенно влияют на развитие стремления к власти. То обстоятельство, что невротики в нашей европейской культуре стремятся к власти как к средству успокоения, объясняется тем, что в нашем социуме власть и престиж могут обеспечить чувство безопасности. Такое стремление к доминированию развивается тогда, когда любовь и аффилиация не снимают тревожности, когда на пути к любви возникают значительные препятствия и трудности... Завоевать любовь и расположение – значит получить успокоение путем усиления контакта с другими, в то время как стремление к власти, престижу и обладанию означает получение успокоения через ослабление контакта с другими и через укрепление собственного положения»³⁰.

Заключение

Отчужденные личности, конформные автоматы, люди массы – торгующие душой за удовлетворение желания – мечта тоталитарной системы, основная задача которой – создать как можно больше соблазнов-зависимостей, погрузить человека в страх, тем самым обрекая его на духовную смерть, а его связи – на разрушение. В такой системе все жестко структурировано, контролируемо, калькулируемо, здесь нет места человеческой спонтанности, бескорыстию. Напротив, само тотальное господство нацелено на упразднение всего, что «угрожает» иллюзии превосходства, что делает нас равными людьми, – свободы, творческой активности личности. Поскольку такая власть прочна только в случае полного контроля за любым проявлением человеческой жизни, зависимости прочны, если человек лишен человеческого. Другими словами, цель тоталитаризма в конечном счете заключается в овеществлении самой человеческой природы.

³⁰ К. Хорни: *Невротическая личность нашего времени*, Пер. В.В. Старовойтова, М.: Айрис-пресс 2004. Режим доступа: http://www.psychol-ok.ru/lib/horney/nlnv/nlnv_10.html. Дата доступа: 12.09.2016.